

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ДУХОВНОГО СМЫСЛА В ПЕРЕЖИВАНИИ ДУХОВНОГО КРИЗИСА

А.А. ЛЕБЕДЕВА^а, Ю.С. ВИТКО^а, Д.С. КОРШУНОВ^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

The Functional Role of Spiritual Meaning in a Spiritual Crisis

A.A. Lebedeva^a, Yu.S. Vitko^a, D.S. Korshunov^a

^а *HSE University, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Резюме

За последнее десятилетие в поле академической психологии наблюдается неуклонный рост теоретических и эмпирических работ, посвященных изучению феномена духовного кризиса. К настоящему моменту накоплено значительное количество данных о взаимосвязях духовного кризиса с благополучием и здоровьем, однако понимание механизмов выхода из данного состояния остается «слепой зоной» исследовательского поля. Цель настоящей работы состояла в том, чтобы определить функциональную роль духовного смысла в структуре переживания духовного кризиса. В лонгитюдном качественном исследовании, проведенном в 2021 и 2023 гг., приняло участие 18 информантов с опытом переживания духовного кризиса. С помощью метода обоснованной теории была выявлена модель переживания духовного кризиса, в

Abstract

Over the past decade, there has been a steady increase in theoretical and empirical work in the field of academic psychology devoted to the study of the phenomenon of spiritual crisis. By the present, a significant amount of data has been accumulated on the interrelationships of spiritual crisis with well-being and health, but understanding the mechanisms of overcoming this condition remains a "blind spot" of the research field. The objective of this work was to determine the functional role of spiritual meaning in the structure of a spiritual crisis. The longitudinal qualitative study was conducted in 2021 and 2023 and involved 18 informants with an experience of a spiritual crisis. By the method of grounded theory, the model of a spiritual crisis was built, in which the key point of

Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 24-00-046 «Доказательный подход к развитию личности: возможности и ограничения» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

The publication was prepared in the course of the research No. 24-00-046 "Evidence-based Approach to Personality Development: Opportunities and Limitations" in HSE University Research Foundation Program.

которой ключевой точкой выхода является обретение духовного смысла. Согласно полученной модели, переживание духовного кризиса проходит следующие этапы: 1) разрушение прежней смысловой системы; 2) обнаружение духовного смысла; 3) борьба за утверждение новой смысловой иерархии; 4) обретение и инкорпорация духовного смысла в смысловую систему; 5) духовный смысл как «двигатель» духовной регуляции. Предлагается обсуждение перспективы рассмотрения духовного смысла как функционального органа развития личности не просто за собственные пределы, но во внутреннем диалогическом общении с абсолютной истиной.

Ключевые слова: духовный смысл, духовный кризис, регуляция личности, духовное здоровье, качественное исследование.

Лебедева Анна Александровна — доцент, старший научный сотрудник, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология здоровья, психология личности, духовность, субъективное благополучие.

Контакты: aalebedeva@hse.ru

Витко Юлия Станиславовна — преподаватель, младший научный сотрудник, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: психология здоровья, психология религии, позитивная психология, психология личности.

Контакты: yvitko@hse.ru

Коршунов Дмитрий Сергеевич — аспирант, стажер-исследователь, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: внутренний диалог, уединение, психология личности.

Контакты: d.korshunov@hse.ru

recovery from the crisis is represented by the acquisition of a spiritual meaning. According to the resulting model, the experience of a spiritual crisis goes through the following stages: 1) the destruction of the former meaning system; 2) the discovery of a higher spiritual meaning; 3) the struggle for the establishment of a new meaning hierarchy; 4) acquisition and incorporation of a spiritual meaning into the meaning system; 5) spiritual meaning as the "engine" of a different form of regulation. It is proposed to discuss the prospects of considering a spiritual meaning as a functional organ of personality development not only beyond its own limits, but in the internal dialogue with the absolute truth.

Keywords: spiritual meaning, spiritual crisis, regulation of personality, spiritual health, qualitative study.

Anna A. Lebedeva — Associate Professor, Senior Researcher, School of Psychology, HSE University, PhD in Psychology.

Research Area: psychology of health, personality psychology, spirituality, subjective well-being.

E-mail: aalebedeva@hse.ru

Yulia S. Vitko — Lecturer, Junior Research Fellow, School of Psychology, HSE University.

Research Area: psychology of health, psychology of religion, positive psychology, personality psychology.

E-mail: yvitko@hse.ru

Dmitriy S. Korshunov — PhD Student, Research Assistant, School of Psychology, HSE University.

Research Area: internal dialogue, solitude, personality psychology.

E-mail: d.korshunov@hse.ru

В академической зарубежной среде за последние десять лет наблюдается неуклонный рост исследований, посвященных критическим переживаниям человека в духовной сфере. Для сравнения, по поиску «spiritual crisis» в базе публикаций lens.org демонстрируется следующая статистическая аналитика¹: в 2010 г. в рецензируемых психологических журналах встречается 54 статьи, посвященные данной тематике, в 2015 г. — 80, в 2021 г. — 232, в 2022 и 2023 гг. число публикаций увеличивается до 420. Стоит также отметить значительное расширение терминологического аппарата в отношении темы духовного кризиса за последние 40 лет: исследователи вводят такие понятия, как «духовная чрезвычайная ситуация» («spiritual emergency») (Grof, Grof, 2017), «духовная сухость» («spiritual dryness») (Büssing et al., 2013), «духовная борьба» («spiritual struggle») (Exline, 2013), «духовное страдание» («spiritual suffering») (Bartel, 2004) и др.

Безусловно, пандемии, катастрофы, войны, сопровождаемые глобализацией, развитием науки и информационных технологий, не только создают условия, приводящие целые цивилизации к коренной трансформации всего уклада жизни, но и ставят под вопрос духовно-нравственные основы существования человечества (Бурманов, 2021). Так, в США люди все чаще обращаются к психологам с жалобами на негативное содержание их духовных и религиозных переживаний (Ellis et al., 2022; McLaughlin et al., 2022; van Tongeren et al., 2024). В европейских странах на фоне резко возросшей за последние десятилетия секуляризации общества в отношении официальных религий (Meulemann, Schmidt-Catran, 2023) возрастает интерес к мистическим неинституциональным верованиям (Tromp et al., 2020) и так называемой альтернативной духовности, рассматривающей природу и связь человека с ней в качестве духовного ресурса личности (Каруста, Kostíková, 2021). В азиатских странах на фоне высокой смертности во время пандемии стала широко освещаться тема духовных потребностей у нерелигиозных людей, которые столкнулись со смертью близких и стали открытыми для духовной помощи в сложившейся ситуации (Cai et al., 2020). В дальнейшем после окончания пандемии тема духовных потребностей получила активное распространение среди паллиативных пациентов (Wang et al., 2024) и пациентов с онкологическими заболеваниями (Shi et al., 2023). В арабском регионе в связи с возрастанием доступности социальных сетей стали распространяться альтернативные религиозные течения суфизма, движения различных мистических современных учений и других форм духовности, противопоставленных традиционным верованиям, что, в свою очередь, влияет на возрастание религиозных сомнений (van Nieuwkerk, 2020, 2021). В России тема духовных кризисов менее представлена в научном дискурсе, однако достоверно известно, что интерес к трансцендентному опыту, эзотерической литературе и обучению в этой области неуклонно растет среди населения. Так, за период с 2022 по 2023 г. аудитория онлайн-курсов, обучающих мистическим техникам взаимодействия со

¹Ссылка на аналитические данные lens.org: <https://clck.ru/3BSFYM>

сверхъестественным, выросла в 19 раз², а продажи эзотерической атрибутики увеличились в 2 раза за тот же период³; в 2024 г. число посетителей соответствующих сайтов выросло еще на четверть по сравнению с 2023 г.⁴

Последний факт хотя и подвергается критике со стороны общества, тем не менее может быть интерпретирован психологически как маркер роста сложных экзистенциальных вопросов, порой принципиально неразрешимых. Вместе с тем можно констатировать, что и психологическая помощь, и классические религиозные практики душепопечения оказались неспособны охватить весь перечень вопросов, волнующих современного человека, поскольку в поиске ответов задействована сама личность как целое.

Во множестве текущих исследований можно выделить две тенденции. С одной стороны, это выявление количественных взаимосвязей между наличием духовного кризиса и различными показателями субъективного благополучия и здоровья (Corneille, Luke, 2021; Cowden et al., 2022; Fisher, 2011; Upenieks, 2022). С другой стороны, исследуемые понятия получают наполнение содержательными маркерами и предпосылками в результате большого количества проводимых качественных исследований (Harris et al., 2020; Tabik et al., 2020; van Nieuw Amerongen et al., 2023). Так, одно из исследований, проведенное в русле обоснованной теории на выборке духовных учителей различных религиозных и внеконфессиональных практик, позволило выделить и поэтапно описать прохождение человеком так называемого духовного пробуждения — особого изменения восприятия, поведения и познания в сторону большей связи с миром и трансцендентным (Maurya et al., 2023). Распространены исследования феноменологии духовных переживаний, сопутствующих контексту угрожающего жизни заболевания, нахождения человека на лечении в условиях больниц и хосписов. Исследователи описывают особенности протекания переживания «духовной боли» у детей и подростков с острым лимфобластным лейкозом (Gomez-Gamboa et al., 2022), духовный опыт пациенток с раком молочной железы (Habibi Asgarabad et al., 2020) и диабетом второго типа (Antoni et al., 2023) и т. п. Иными словами, исследования переменных, связанных с духовным измерением, посвящены, как правило, специфическому опыту и переживаниям, которые являются критическими, экстраординарными, околосмертными и охватывающими всю личность как целое.

Духовный кризис и пограничная ситуация

Современный мир несет в себе огромное число возможностей для развертывания в жизни человека критических ситуаций, которые можно назвать пограничными. Размышляя о таких ситуациях, К. Ясперс (Jaspers, 1919) описывает

² «Ведомости» со ссылкой на аналитиков Теле2: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/03/28/968356-auditoriya-onlain-shkol-gadaniya-taro-i-magii-viros-la-za-god-pochti-v-20-ras>

³ Национальная служба новостей: <https://www.kommersant.ru/doc/5901780>

⁴ Правмир: <https://www.pravmir.ru/u-rossiyan-vyros-interes-k-astrologii-numerologii-i-gadaniyam>

состояния, которые ощущаются, переживаются, мыслятся только тогда, когда человек подведен к границам собственного существования; когда он находится в расколе между объективным миром и установками собственного ума; когда он не имеет опоры и какого-либо фиксированного, непреложного Абсолюта, чтобы устоять перед открывшимся ему опытом или размышлениями. «Все течет, все находится в беспокойном движении постановки-подвопрос (*das in Frage-gestellt-werden*), все относительно, конечно, расщеплено на противоположности» (Jaspers, 1919; цит. по: Больнов, 1999, с. 86). В пограничной ситуации человек лишен целостного видения и сам таковым не является, он ощущает свое бессилие, поскольку ситуация не поддается изменению (Ясперс, 2012).

В результате преодоления пограничных ситуаций у человека формируется иной образ мира или, как говорит К. Ясперс, новый тип мировоззренческой раковины. Разрушение одной раковины (Ясперс, Голиков, 2021) неминуемо приводит к построению новой, однако, по мнению философа, этот процесс движения за собственные пределы и представляет собой жизнь. «Следовательно, в процессе жизни раковины растворяются только для того, чтобы создать новое пространство; и в конечном счете это вопрос не разрушения раковины, а метаморфозы» (Там же, с. 122). В ходе этого движения жизни прежнее мировоззрение не разрушается, а преодолевается, т.е. оно остается отмененным, однако частично сохранным (Там же, с. 129).

Именно в этой точке размышлений мы предлагаем обратиться к такому понятию К. Ясперса, как «духовная ситуация». Возникая в пограничной ситуации, духовная ситуация отличается тем, что она бросает человеку вызов борьбы «за его подлинную сущность» (Ясперс, 1991). И потому в духовной ситуации человек «пребывает в качестве самого себя в существовании, когда оно не замыкается, а все время вновь распадается на антиномии» (Там же). Иными словами, духовная пограничная ситуация не только неизбежно ставит человека перед необходимостью радикального пересмотра всей системы координат жизни, но и являет собой вызов борьбы за собственную человечность.

Предыдущее качественное исследование (Витко, 2021) позволило нам обобщить феноменологию переживаний духовного кризиса. Резюмируя его результаты, можно сказать, что духовный кризис представляет собой критическое состояние человека, несущее в себе угрозу целостности его личности, которое сопровождается полноценным духовным опытом. В данном исследовании под духовным опытом понимался разнообразный «опыт событий трансцендирования» (Хоружий, 1998, с. 6), который респонденты определяли для себя как духовный. Сюда относились специфические впечатления и переживания Встречи, контакта с духовными сущностями. Поскольку духовный кризис есть всегда ситуация дезинтеграции, для которой нет единого языка, субъект переживания все же стремится ее описать, обращаясь к конструктам религии или иного доступного ему универсального языка (например, научных терминов, метафор и др.).

Опираясь на вышеизложенные идеи, мы предлагаем понимать духовный кризис как духовную ситуацию, поскольку он также представляет собой разрушение

фундаментальных образующих самой личности, ее целостности. От локального кризиса личности духовный кризис отличается тем, что он охватывает личность как бы извне, как стихийное бедствие, существенно разрушая саму логику, образующую ее жизненный мир, а также серьезно нарушая ее внутренние отношения с самой собой. Таким образом, ситуация духовного кризиса может пониматься как сверхбытийная (духовная) ситуация, бросающая смысловый вызов самой внутренней логике бытия личности, ее пониманию мира в себе и себя в мире. Духовный кризис — это ситуация, потенциально провоцирующая изменения, о чем Ф.Е. Василюк писал как о переходе к иной жизни, который «состоит не в «скачке» от одного содержания жизни к другому, а в ценностном преодолении и преображении старой жизни: новая жизнь относится к старой как прощение к обиде, покаяние к вине» (Василюк, 1981, с. 14).

Смыслообразование как психологический субстрат преодоления духовного кризиса

Известно, что «человек возвышается духовно лишь благодаря своему внутреннему разладу и тому, что покупается его ценой, что мы назвали вторым рождением» (Джеймс, 2017, с. 286). Однако неясным остается тот психологический механизм, который «собирает» личность в новую целостность.

Одним из таких механизмов, который обеспечивает трансформацию переживания и способствует разрешению критического состояния личности, является смыслообразование.

Вслед за Д.А. Леонтьевым, мы понимаем смыслообразование как «процесс распространения смысла от ведущих, смыслообразующих, «ядерных» смысловых структур к частным, периферическим, производным в конкретной ситуации развертывающейся деятельности» (Леонтьев, 2019, с. 274). Обретение смысла представляет собой динамический процесс его постепенного «узнавания» и раскрытия со стороны субъекта смыслообразования; смысл критической ситуации не дан человеку непосредственно, но разгадывается личностью, когда она вглядывается в жизненные события и эпохи своей биографии. Человек встает перед задачей «распутывания опыта» (Мамардашвили, 1997) через нахождение смысла, интегрирующего происходящее в индивидуальную историю и структуру личности. Поиск смысла происходящего есть поиск «точки опоры», некоего «места» отношения к собственному бытию, в котором станет возможно упорядочить прежде хаотическое содержание: «Вообще всякое принципиальное отношение носит творческий, продуктивный характер. То, что мы в жизни, в познании и в поступке называем определенным предметом, обретает свою определенность» (Бахтин, 2000, с. 33).

Как уже было сказано выше, сама личность находится под угрозой разрушения собственной целостности, переживая события, составляющие биографическую основу ее духовного кризиса. И в этом смысле «задача на смысл» не столько обращена к пониманию личностью критических обстоятельств или драмы отношений с миром, сколько адресована самой личности, ее существованию. Если

в случае осмысления событий жизни перед человеком стоит вопрос, какое место определить событиям и явлениям в существующей жизнедеятельности (Леонтьев, 2019), то в случае вызова, который несет с собой ситуация духовного кризиса, глубинное и «ядерное» самой личности ставится под сомнение. Самое базовое в личности, связанное с ее мотивами, взглядами, ценностями, разрушается, оставив после себя разрозненные части опыта и поступков. Ищущее себя переживание не может больше удовлетвориться никаким эгоистическим смыслом, поскольку границы собственного Я оказываются утрачены. Все это ищет не для-меня-смысла, а по закону обратной перспективы — смысла-меня-для-Другого — такого смысла, когда Другой оказывается парадоксально ближе, чем Я сам для себя.

«Видимый мир является лишь частью иного, духовного мира, в котором он черпает свой главный смысл» (Джеймс, 2017, с. 249). И в этом отношении переживающий кризис и обращающийся в трансцендентное *«молящийся должен вникнуть в духовный смысл предстоящего дела, совершенного проступка или свершившегося события»* (Василюк, 2021, с. 141). Этот духовный акт осмысления направлен на то, чтобы личности родиться вновь.

Итак, не всякий смысл способен интегрировать разрушенные в критической ситуации смысловые структуры в новую гармонично функционирующую динамическую смысловую систему. В отечественных теоретических разработках выделяется представление об иерархической организации динамической смысловой системы за авторством Б.С. Братуся (Братусь, 1988). Вслед за эгоцентрическими и группоцентрическими смыслами он выделяет третий смысловый уровень — просоциальный, — включающий в себя ориентацию на мораль и общечеловеческие ценности, а позднее добавляет четвертый уровень, представляющий собой систему смысловых отношений человека с Богом (Братусь, 1994, 1999). Специфика четвертого уровня состоит в том, что ценность человека не только воспринимается с позиции гуманистической или общечеловеческой ценности, но и *обретает смысл* подобно тому, как у М. Хайдеггера священное воплощает собой бытие «в аспекте высшего присутствия, окутывающего мир любовью, дарящего ему смысл, одаривающего мир и принимающего жертвы от людей» (Цендровский, 2016, с. 26).

Некоторые зарубежные модели также отражают представления об иерархическом строении смысловой структуры личности. Так, К. Парк и С. Фолкман (Park, Folkman, 1997) предлагают двухуровневую модель, включающую в себя глобальные и ситуационные смыслы. Глобальные смыслы представляют собой ядерную структуру смыслов, слабо поддающуюся ситуативным изменениям и определяющую направленность смыслообразования на нижележащих уровнях. На уровне глобальных смыслов выделяются, с одной стороны, представления личности о мире и окружающих людях, а с другой — целевые детерминанты личности и ее представления о собственном предназначении. В модели, представленной в работе Н. Маскаро и коллег (Mascaro et al., 2004), также выделяется двухуровневая система, состоящая из главного Смысла, вокруг которого выстраиваются частные смысловые структуры. При этом главный Смысл представлен двумя аспектами —

осмысленностью жизни в целом и ощущением человеком своего призвания, зова со стороны высшего, трансцендентного.

Создатель логотерапии В. Франкл усматривал существование высшего замысла относительно жизни человека, его предназначения и жизненных событий, с которыми он сталкивается. Между тем это предназначение является непознаваемым в силу ограниченности сознания человека и может быть лишь приблизительно сформулировано в форме сверхсмысла (Франкл, 1990). Такая формулировка, согласно автору, является попыткой расшифровать запредельный для человеческого существования замысел, переводя его в доступный для человека личностный смысл, в котором субъект соотносит события своей жизни с наивысшей перспективой. Обращаясь к примеру столкновения человека с заболеванием, В. Франкл описывает обретение смысла в страдании как столкновение личности с психофизиологической данностью собственного организма. Духовный аспект смысла в данном случае проявляется в том, что личность усматривает неразрывную связь между своей судьбой в ее сакральном значении и переживаемым сейчас страданием: «В этом столкновении с участием больного, в своем отношении к этой участи пораженный болезнью человек осуществляет некоторый — нет, глубочайший! — смысл и реализует некоторую — нет, высшую! — ценность» (Там же). Интересна идея Л.З. Левита (2022), который находит возможности определить содержания высшего смысла через введение категории самосовершенствования. Мы не беремся анализировать необходимость рассмотрения самосовершенствования в качестве содержательной характеристики высшего смысла, однако усматриваем в ней указание на интенциональность высших смысловых образований. На наш взгляд, содержание высшего смысла может варьироваться в зависимости от индивидуальной системы верований человека, при этом обнаружение высшего смысла неизбежно направляет личность в сторону ее жизневосхождения (термин М.Ш. Магомед-Эминова (2005)).

Безусловно, процессы осмысления играют ключевую роль в том, чтобы личность справилась с критической ситуацией (Василюк, 1981; Магомед-Эминов, 2005; Леонтьев, 2019, с. 270). Однако, когда речь идет о предельно сложных ситуациях, разрушающих сами основы личности и лишаящих ее всяческих опор, встает вопрос о том, какого рода смыслы способны выстоять и не рассыпаться в таких обстоятельствах? Мы предполагаем, что такими смыслами будут некие архетипические знания, относящиеся к духовной культуре, являющиеся квинтэссенцией преодоления человечеством самых разных пограничных ситуаций. Однако ключевую роль играют не сами знания, а то, как личность и сохранившееся в ней понимающее начало будут преодолевать собственные заблуждения и видеть замысел о себе. Поэтому **цель** данного исследования заключается в том, чтобы определить функциональную роль духовного смысла в структуре переживания духовного кризиса.

Метод

Методологические основания. В данном исследовании мы опираемся на ряд теоретических идей, которым можно было бы посвятить отдельную статью,

поэтому кратко остановимся на их перечислении. Во-первых, ситуация духовного кризиса должна рассматриваться в синергетической парадигме (Пригожин, 1991), поскольку вопрос о смысле предполагает разомкнутость личности за пределы себя (Леонтьев, 2019). Во-вторых, мы предлагаем использовать идеи об уровнях регуляции личности (Калитеевская, 1997; Леонтьев, 2011). В-третьих, в соответствии с программной статьей Д.А. Леонтьева высшим уровнем признается духовная регуляция (Леонтьев, 2005). В-четвертых, ценностно-смысловые ориентации личности предстают важным ресурсом для исследований в этой области (Двойнин, 2007; Леонтьев, 2019; Leontiev, 2016a). В-пятых, опираясь на идеи М.М. Бахтина, мы полагаем, что духовное измерение может быть изучено, поскольку имеет смысловое содержание: «Душа — это образ совокупности всего действительно пережитого, всего наличного в душе во времени, дух же — совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя» (Бахтин, 1979б, с. 98–99).

Дизайн исследования. С целью изучения динамики осмысления духовного кризиса нами был выбран лонгитюдный дизайн исследования, состоящий из двух этапов с интервалом в два года. Первый этап качественного лонгитюдного исследования был проведен в 2020–2021 гг. Второй этап осуществлялся в 2022–2023 гг. На втором этапе исследования респонденты согласились повторно рассказать о пережитом духовном кризисе и поделиться тем, как развивались дальнейшие события. Сбор данных проводился в формате полуструктурированного интервью. В дальнейшем все беседы были расшифрованы и преобразованы в текстовый формат.

Выборка. К участию в исследовании приглашались лица, находящиеся в актуальном переживании духовного кризиса или имеющие опыт его преодоления. В первом качественном срезе принял участие 31 информант (10 мужчин и 21 женщина) в возрастном диапазоне от 19 до 52 лет (средний возраст — 27 лет). Из участвовавших в первом срезе информантов 18 человек (14 женщин и 4 мужчины) согласились пройти повторную беседу на втором этапе качественного исследования. В выборку вошли православные христиане, протестант, буддист, итсист, не относящие себя к какому-либо вероисповеданию и атеисты.

Для формулировки позитивной траектории духовного кризиса было принято решение взять в конечную выборку только тех информантов, которые: 1) оценивали произошедшие с ними события и переживания как духовный кризис в двух беседах; 2) оценили прошедший духовный кризис как позитивно разрешенный. 14 из 18 респондентов спустя два года после проведения исследования также считали, что пережитый ими кризис является духовным, и оценили его как положительно разрешенный. Трое информантов на момент проведения второй беседы сообщили, что перестали рассматривать описываемый период жизни как духовный кризис, относя его к личностному/ценностному кризису или проявлению психического расстройства. Один из респондентов оценил свое прохождение духовного кризиса отрицательно.

Анализ данных. Для получения объемного представления об особенностях формирования духовного смысла и его роли в переживании духовного кризиса, с учетом индивидуальных вариаций в случаях информантов, мы выбрали качественный дизайн исследования (Бусыгина, 2024). Анализ расшифрованных бесед проводился с опорой на метод обоснованной теории (Страусс, Корбин, 2001), который позволяет получать теории, максимально укорененные в эмпирических данных за счет преимущественно индуктивной логики анализа. Этот метод предполагает проведение последовательных этапов: 1) *открытого кодирования*, которое заключается в выделении смысловых кодов по всему массиву данных и присвоении им «ярлыка» в соответствии с ответом на вопросы «что это такое?» и «что это собой представляет?»; 2) *осевого кодирования*, которое подразумевает объединение кодов в категории, отвечающие модели парадигмы, включающей в себя каузальное условие, феномен, контекст, промежуточные условия, стратегии действия/взаимодействия и следствия; 3) *избирательного кодирования*, которое завершает анализ формированием основной теории.

Результаты

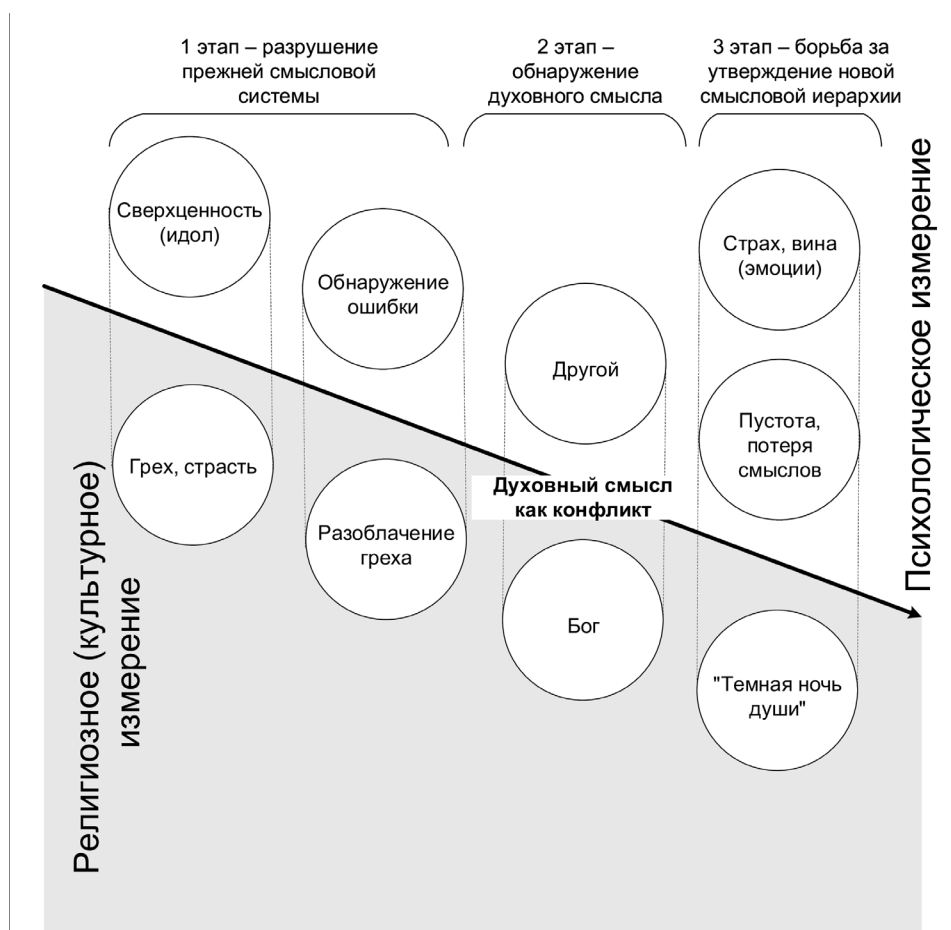
По прошествии двух лет между двумя беседами о произошедшем духовном кризисе некоторые информанты объясняли собственные переживания уже не в дискурсе светского мировоззрения, а усматривая «закулисы» собственных духовных процессов и отношений с чем-то/кем-то вне себя. В связи с этим нами было принято решение отразить разворачивающийся духовный кризис в двух плоскостях: психологической, имея в виду личностный, мировоззренческий план, и религиозной, имея в виду сакральное, внеличностное, но культурно в личности укорененное (см. рисунки 1, 2). Полученные в исследовании результаты были обширны, однако складывались в поэтапный процесс обнаружения духовного смысла и дальнейшей трансформации его функциональной роли в ходе духовного кризиса. Итак, нами были выделены следующие этапы, через которые проходило переживание духовного кризиса: 1) разрушение прежней смысловой системы; 2) обнаружение духовного смысла, имеющего для личности значение сакрального, священного; 3) борьба за утверждение новой смысловой иерархии; 4) обретение и инкорпорация духовного смысла в смысловую систему; 5) духовный смысл как «двигатель» духовной регуляции личности.

Этап 1. Разрушение прежней смысловой системы. Респонденты, пережившие пройденный духовный кризис, отмечали, что его причиной послужила их собственная ошибка; верующие информанты приходили к заключению о совершении ими греха. Например, одна из респонденток видит причину своего кризиса в слишком сильном желании выйти замуж за знакомого мужчину. При этом в первом интервью она делает акцент на том, что у нее «*на первом месте был мужчина и семья*» (P7)⁵. Она добавляет: «...я внутренне с

⁵ Здесь и далее: P — респондент, цифра — порядковый номер респондента в анализе.

Рисунок 1

Этапы переживания духовного кризиса (этапы 1, 2, 3)



этим не спорила, я точно знала, что Бог не находится на первом месте» (P7). Во втором интервью повышается градус категоричности оценки этой ситуации – респондентка впервые начинает описывать ситуацию через понятия «грех», «идол»: «Скорее такой **идол, идол, идол** [быстрая речь] и был создан. Был такой внутри меня. Ну, мне вообще свойственно было из мужчин делать идолов, потому что они были боги. <...> Не Бог источник моей жизни, а мужчина» (P7). Кроме того, прямо во время второго интервью респондентка воспроизводит внутренний диалог с Богом и приводит прямую речь от Его имени: «Ты правильно туда шла, ты правильно Меня слышала, и ты сделала то, что Я хотел. Но цель ты не могла увидеть <...> Так вот, этот **грех** – непопадание в цель» (P7).

Другая респондентка, не относящая себя к какой-либо конфессии, описывала свой духовный кризис как ощущение того, что вся ее жизнь (ценности,

убеждения, цели, люди, мир вокруг) стала восприниматься как «не то», «не туда», «неправильно», «как будто все не так. И при этом непонятно тогда, что — так» (P8). При этом первая беседа характеризуется более развернутым описанием духовного кризиса.

В целом по выборке при первом рассказе информантов нарратив был чаще сосредоточен на описании личных тяжелых переживаний и в гораздо меньшей степени относился к рефлексии своих поступков и критическому взгляду на себя. В последующих беседах респонденты указывали, что мысль о совершенной ошибке/грехе могла осознаваться ими в некоторой степени, однако тяготела к тому, чтобы остаться в тайне: «Приходила некоторая самоуверенность и ощущение того, что совершённое можно будет исправить или скрыть» (P1). В личностном измерении грех предстал в форме сверхценности — это могли быть очень сильные чувства к человеку или чрезмерная привязанность к событию, поведению, в том числе негативному. Именно это переживание ценности происходящего не давало человеку в полной мере осознать его ошибочность. В последующем, по словам информантов, совершение ошибки не приносило должного удовлетворения и приводило к ощущению опустошения: «Я дохожу до какого-то дна, обнаруживаю себя в свинарнике, поедая пищу для свиней. Может, вокруг все прелестно, хорошо, а внутри какое-то душевное опустошение, отсутствие смысла» (P2).

Этап 2. Обнаружение духовного смысла, имеющего для личности значение сакрального, священного. На следующем этапе чувства бессмысленности и страдания находили свое объяснение в сути совершенного поступка. На эту рефлекссию информанта чаще всего наталкивал диалог с Другим (знакомый, священник, внутренний голос и др.): «И тогда мне батюшка просто напомнил притчу о [немилосердном] работодателе, который... Ему простили большой долг, а он вышел, увидел своего должника и начал его трясти за долг. Как бы обычная притча, часто ее на проповеди говорят, но вот тогда я как-то себя увидела в этот момент, именно этим человеком, который пришел и хочет встряхнуть свой малый долг» (P3). Здесь можно говорить о первом появлении *духовного смысла*, который на данном этапе оказывается сопряжен с внутренним конфликтом, недостаточной готовностью интегрировать его в смысловую систему личности.

Этап 3. Борьба за утверждение новой смысловой иерархии. Появление духовного смысла проживаемой ситуации зачастую приводило к возникновению внутренней борьбы. Некоторые респонденты говорили об очень сильном переживании конфликта и разделенности внутри себя, в котором старая система смыслов и ценностей вступала в ожесточенное противоречие с новой, еще не до конца принимаемой: «Как будто каждый условный конфликт — это две сцепленные кляксы, и мне их нужно было расцепить. Я воспринимал, что в итоге каждый такой конфликт можно решить правильно. Что это не выбор из двух зол, а из блага и неблага. Мне было довольно тяжело. ...Это была борьба» (P4).

Некоторые респонденты сообщили, что в результате переживания внутреннего конфликта они отказались от духовного способа осмысления ситуации и своей жизни. Двое информантов отметили, что испытали охлаждение к

религиозной жизни, а один из них, будучи до этого воцерковленным с детства человеком, пришел к отрицанию существования Бога и принял светское мировоззрение: «Если бы я был добрый, я бы так не делал с людьми. А Бог так делал со мной, и соответственно я начал сомневаться. Потом я начал активно изучать вопросы атеизма, веры, религии, того, как это все устроено, в культурном аспекте, в историческом, в разных» (P5). Интересно, что во второй беседе информант объяснил свой уход из религии незрелостью детской веры, которая не смогла выдержать испытания.

Этап 4. Обретение и инкорпорация духовного смысла в смысловую систему. Некоторые респонденты описывали, что в процессе переживания внутренней борьбы они достигали «пика отчаяния», в котором ощущали свою

Рисунок 2

Этапы переживания духовного кризиса (этапы 4, 5)



беспомощность. Участники исследования говорили о том, что здесь они оказывались «на дне» и из глубины этого состояния обращались к Богу с молитвой или бессловесным признанием невозможности справиться с ситуацией. Помимо уединенной молитвы трансцендирование отчаяния могло происходить после исповеди. Примечательно, что здесь как раз и раскрывается в своей полноте духовный смысл — не как рациональная идея, но в подлинном личном его переживании: *«Это был такой голос. Я бы назвала его духовным. <...> Это было как пробуждение, как будто тебя окатило водой, и тут внезапно умылся холодной водой, и такой так, стоп. Просто проблема в том, что это был такой разрыв психический. И потом идея суицида, она... И я думала, что ну все, теперь мне нужно это сделать. И тогда я такая: “Так, стоп, не нужно, вообще не нужно”. Это было как такое, молния»* (Р6). Вместе с переживанием духовного смысла информанты также говорили об ощущении радости освобождения от греха: *«Я была несколько лет под этим всем, я привыкла к этой духовной боли, что я так живу, я уже не рыдалась. А тут меня вытащили на корму. Уже кажется, что живешь и все так, как полярная ночь. А потом оказывается, что это уже не полярная ночь, ее сняли духовно, вау, без нее-то как хорошо! Свободу пережила. Это тоже был этап уже исцеления»* (Р7).

Утверждение духовного смысла означало для верующих в том числе необходимость отказаться от того, что ранее было ценно и что осмыслялось как неправильное с точки зрения нового понимания, новой логики бытия. Респонденты отмечали, что «отрезание» части себя, своей привычки, страсти происходило в соработничестве, диалоге с Богом и потому словно «анестезировалось» радостным ощущением благодати.

Информанты говорили о том, что впоследствии они выбирали новый образ жизни в соответствии с обретенным духовным смыслом, что было характерно как для верующих, так и для неверующих респондентов. Например, одна из респонденток до кризиса реализовывала себя в бизнесе и была постоянно озабочена достижением карьерных и финансовых успехов. Разочаровавшись в своей прошлой жизни, она описывает все как *«неправильное»* (Р8). Выбор новой жизни она объясняет в логике смерти и рождения, усматривая в этом *«закон природы»* (Р8). Интересно, что в течение двух лет между интервью эта респондентка вышла замуж.

Этап 5. Духовный смысл как «двигатель» духовной регуляции. В последующем информанты сообщали об укреплении себя в новой выбранной ценностной системе координат и образе жизни. Духовный смысл занимал роль регулятора жизнедеятельности человека, выступая ориентиром в актах самопреодоления и самопреобразования: совершение того или иного поступка чаще стало производиться с опорой на духовные ценности и принципы, «материальными носителями» которых могли являться известные человеку священные книги, заповеди, слова духовного наставника и др.

После преодоления глобального духовного кризиса респонденты отмечали, что на этом духовные кризисы в их жизни не закончились. Напротив, духовный кризис, с одной стороны, становился «проторенной» дорожкой переживания и преодоления собственных недостатков, греха, а с другой —

запускал внутреннюю работу покаяния, метанойю. Повторившийся духовный кризис имел более краткое и менее бурное течение, характеризовался позитивными преобразованиями, особенно в тех случаях, когда информанты отмечали утверждение нового мировоззрения. Респонденты объясняли это тем, что в процессе переживания глобального кризиса обрели инструменты духовной регуляции (молитва, исповедь и т.д.) и могли обращаться к ним в дальнейшем в переживании новых ситуаций. Особо ценным оказалось понимание того, что за духовным кризисом стоит серьезная ошибка: *«Ты вроде как валишься туда же, тебя начинает штормить, у тебя начинаются какие-то припадки, какие-то состояния, ты рыдаешь. Но <...> ты обращаешься к этой зоне. Ты делаешь по этой лесенке несколько шагов наверх и как бы с этого балкончика обозреваешь свою ситуацию, свою личность, свой конфликт — все, что с тобой происходит в этом безумии кратком. А с другой стороны, ты еще при этом находишь грех, вот в чем дело»* (P1).

Событие, которое прежде было основным содержанием духовного кризиса, наблюдалось в регистре непосредственного переживания и сопровождалось мучительными состояниями, во втором срезе у некоторых информантов обнаруживалось в регистре рефлексии: оно стало восприниматься как индикатор совершенной ошибки, которую необходимо отыскать. При этом обретенный духовный смысл стал работать в новых аналогичных ситуациях в качестве предупреждения, «сообщая» личности о возможности повторения ошибки, которая приведет к тяжелому состоянию или даже разрушению личности: *«И это такое состояние бодрости, трезвости, смиренности. Что, как бы ты ни думала, как бы ты ни хотела, ты не пойдешь туда, где будет действительно разрушение личности, — тебя никто оттуда не спасет, как тебя не спасло тогда. Поэтому <...> это действительно такая штука, что, когда ты захо-дишь <...> слишком далеко, возвращается это состояние»* (P6).

Обсуждение результатов

Безусловно, выделенные нами этапы переживания духовного кризиса могут перекликаться с этапами трансформации любого смысла, однако, как нам кажется, качественное исследование столь масштабного кризиса позволяет нам, как в микроскопе, увидеть те процессы, которые в случае более мелких трансформаций проносятся вне рефлексивного сознания.

Согласно одной из последних редакций теории смысла Д.А. Леонтьева, «стимулы могут направлять и побуждать к действиям только потому и в той мере, в какой они имеют смысл, несут определенный личностный смысл в контексте жизненного мира человека» (Leontiev, 2016b, p. 133; перевод наш). Потому разрушение или нарушение смысловой связи между стимулами и потребностями приводит к утрате вторыми мотивирующей силы (Ibid.). Иными словами, в духовном кризисе определенный поступок, довольно скоро рефлекслируемый человеком как серьезная ошибка, инициирует разрывы в смысловой ткани, что неминуемо сопровождается и разрушением текущей мотивационной иерархии. По-видимому, поступок вступает в серьезное противоречие

с вышележащими уровнями (Ibid., p. 12) и потому так сильно влияет на смысловую систему в целом, так как верхние уровни динамической смысловой системы организуют порой множество смысловых связей, невозможных напрямую. В этом неразрешимом противоречии между поступком и содержанием ядерных структур динамической смысловой системы порождается реальное событие, некоторое обстоятельство, которое деятельно утверждает конец старого контекста, сопряженного с прежним жизненным миром. Этот этап заслуживает отдельного внимания, однако ему посвящены другие наши работы, поэтому здесь не будем подробно останавливаться на нем (см.: Витко, 2021, 2023; Столярова и др., в печати).

Второй и третий этапы процесса преодоления духовного кризиса, как показывают лонгитюдные данные, предполагают разоблачение истинного смысла поступка, который признается ошибочным. Духовный смысл выступает «наречением имени» прежде замкнутого в самом себе переживания «извне», из трансцендентного, где «ограниченное и удерживаемое теперь своим именем, оно приобретает статус третьего лица — того, о чем идет речь между первыми двумя лицами — Я и Ты, личностью и Богом» (Василюк, 2021, с. 114). Сначала разоблачение может быть инициировано Другим и даже не приниматься личностью, однако прирост смысла осуществится только в том случае, если в следующем акте личность примет на себя всю ответственность за собственный поступок. В этом индивидуальном действии происходит самое существенное — личность добровольно принимает на себя мучительное переживание. Именно здесь становится возможным торжество смысла над страданием, в котором, подобно истинному мученичеству, утверждается «не количество и интенсивность перенесенных мук, а — победа над мукой» (Там же, с. 11). Подобная трансформация может быть проиллюстрирована библейским сюжетом, к которому часто обращаются верующие респонденты. Двое респондентов отмечали, что в глубине собственного страдания и тоски по себе исчезнувшему они обнаруживали фигуру Христа. При этом речь шла не о том, что Он сострадал им, а о том, что они сами вдруг становились способными через собственный опыт глубокого раскаяния в совершенных ошибках приобщиться к Его страданию за ошибки человечества.

В этом «сораспятии», в опыте сопричастности Другому как носителю высшего смысла, и происходит победа смысла над мукой собственных переживаний, сила которых утрачивает доминирующее положение в печальной участи кризисных переживаний. По мысли Ф.Е. Василюка, такой высший (мученический) тип страдания «характеризуется предельным доминированием смысла над силой боли, победой смысла над силой» (Там же). Столь серьезная перемена личности, болезненная и мучительная, как смерть, связана с радикальной сменой контекста, что и совершает «впадение моей души в понимание» (Мамардашвили, 2015, с. 731). В этой борьбе за утверждение человеческого в человеке и реализуется либо полный крах, либо победа смысла, возвращающая личности соАвторство, разделенное с высшим Другим, с Богом. Результатом победы смысла будет преодоление совершенной ошибки (ошибка), которое заключается не в изменении следствий в мире — зачастую ничего

изменить уже нельзя, — а в изменении себя как причины и следствия этой ошибки. В этом заключается перемена ума, действительная метанойя, которая делает невозможным возвращение к старой системе смыслов. Напротив, неуспех в преодолении критической ситуации будет означать и крах смысла, его аннигиляцию, «пустоту, промах мимо себя» (Братусь, 2019, с. 475). Однако, как показывают интервью, духовный кризис неминуемо сопряжен с такого рода возвратами на предыдущие этапы. Этот тип кризиса отличается тем, что становится длительным и по своей протяженности охватывает годы. Само по себе продолжение существования человека, его прохождение в том числе и новых витков кризиса представляется нам вполне закономерным и порой заслуживающим восхищения, поскольку в этих циклах трансформируется сам закон существования личности.

Духовный смысл, таким образом, организован из духовной вертикали бытия (Зинченко, 1997), он зарождается в зоне разрывов чувственной ткани смысла и генетически восходит к внеличному бытию, поскольку изначально был порожден в отношениях со сверхличным Другим. Нельзя не отметить, что такая динамика образования духовного смысла и его внедрение в регуляторный механизм личности перекликается с законом развития высших психических функций: «...всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцене дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — в психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая» (Выготский, 1983, с. 145). В моменты духовного кризиса во внутренней полифонии сознания (Бахтин, 1979а) возникает новый голос, олицетворяющий высшие ценности или образ Бога. Инициация личностью диалога с этим голосом запускает процесс самоизменения, в ходе которого на смену разрушившейся смысловой системе постепенно приходит новое понимание себя и мира. Однако далее по мере укрепления духовных ценностей личности голос Бога способен занять метапозицию и взять на себя функцию управления разрозненными голосами и Я-позициями (Hermans, 2021). Таким образом, действительный выход из духовного кризиса становится возможен, когда личность не только открывает для себя трансцендентное, но и обретает способность свободно (добровольно) «передавать» регуляторный центр за собственные пределы, используя новый функциональный орган — духовный смысл. Подобные идеи описывает С. Кьеркегор, делая акцент на том, что «“Мой Бог” ведь это не тот Бог, Который принадлежит мне, но тот, Которому принадлежу я» (Кьеркегор, 2023, с. 80). Стоит отметить, что эти процессы хотя и описываются как внешние, происходящие с субъектом, топологически «размещены» во внутреннем плане сознания, однако генезис Диалога с высшим в сознании субъекта все еще соответствует основному закону психического развития — *ab exterioribus ad interiora* (от внешнего к внутреннему) — от диалога со значимым Другим, с Богом к внутреннему диалогу и полифонии. Нам видится эта динамика обратного возвращения из внешнего плана во внутренний крайне важной для описания нормально функционирующего сознания. Возвращение в индивидуальный план позволяет личности восстановить границы сознания и собственную субъектность, а также вновь ощутить свободу, автономию и ответственность.

Как было отмечено В.А. Петровским, в проблемных ситуациях личность ищет способ обращения к Другому-Я, отличному от Актуального-Я, что позволяет субъекту мобилизовать с помощью такого интроекта те качества, которые способствуют выходу из трудностей (Евченко, 2016; Петровский, 2020). В исследовании, проведенном М. Пухальска-Васил и З. Зарзуска (Puchalska-Wasył, Zarzyska, 2020), было показано, что молитва, обращенная к Богу, редуцирует негативные руминирующие голоса во внутреннем диалоге путем смены фокуса на духовное, что приводит к повышению благополучия. В результате смена саморегуляции на регуляцию из точки, к которой подобно кровеносному сосуду протягивается духовный смысл, требует от личности воли к разотождествлению с иными ценностными образованиями в пользу Другого как олицетворения высшей ценности. Только в таком случае духовный смысл обретает мотивационную силу и становится регулятором образа жизни личности.

В соответствии с функциональной парадигмой (Леонтьев, 2011) духовный кризис бросает личности «вызов» самоизменения, в результате которого духовный смысл, возникая в зоне разрушения прежнего способа саморегуляции, позволяет сконструировать новый способ бытия человека. Усвоение духовного смысла, таким образом, идет по пути его трансформации из культурной формы во внутренний императив, позволяющий овладеть своим бытием из перспективы «над», т.е. из вертикального измерения.

Наконец, обретение духовного смысла позволяет преодолеть духовный кризис, в последующем обращая последний из критического переживания в системообразующий фактор и инструмент духовной регуляции и развития личности.

В качестве дискуссии мы предлагаем продолжить логическую цепочку, в которой критерием психического здоровья выступает «зрелость, сохранность и активность механизмов личностной саморегуляции, мера способности человека трансцендировать свою биологическую, социальную и смысловую детерминированность...» (Калитеевская, 1997, с. 235). На наш взгляд, эта идея справедлива и экстраполируема на анализ высших уровней регуляции (например, на уровень духовной регуляции, выделяемый Д.А. Леонтьевым (2019)). В таком случае мы предполагаем, что в качестве критерия духовного здоровья личности, которое на практике глубоко сопряжено с психическим здоровьем, могут быть рассмотрены мера овладения духовным смыслом, а также целостность личности — ее способности к интеграции опыта и динамическому единству с миром. Данные размышления тем не менее требуют существенной проработки методологического аппарата психологии, а также дополнительных эмпирических исследований в этой области.

Выводы

Таким образом, духовный кризис может быть определен как особая сверхбытийная ситуация, содержащая в себе «смысловой вызов». Духовный кризис предлагается понимать как особую духовную ситуацию, в которой

(в отличие от более локальных критических ситуаций) под вопрос ставится сама логика бытия личности в мире, ее основание и центр регуляции. По результатам качественного анализа бесед с людьми, прошедшими духовный кризис, были выделены следующие этапы его проживания: 1) разрушение прежней смысловой системы; 2) обнаружение духовного смысла, имеющего для личности значение сакрального, священного; 3) борьба за утверждение новой смысловой иерархии; 4) обретение и инкорпорация духовного смысла в смысловую систему; 5) духовный смысл как «двигатель» иной (высшей) формы духовной регуляции.

Ключевым переломным моментом преодоления духовного кризиса мы усматриваем **духовный смысл**, под которым предлагаем понимать психологическое явление, организующее целостность личности в ее связи с трансцендентным (как медиатор), появившееся в результате преодоления духовной критической ситуации и в дальнейшем ставшее инструментом конструирования (как генератор) и функционирования (как регулятор) духовной регуляции личности.

Духовный смысл в процессе переживания духовного кризиса предстает в трех планах: в социальном, индивидуальном и трансцендентном. Первоначально (**в социальном** плане) он появляется как смысл, задаваемый извне — другим человеком, текстом и т.д. Однако это еще не смысл как таковой, поскольку для человека он предстает внешним, чужеродным и конфликтным. Тем не менее появление этого смысла запускает последующее развитие кризиса. Второе появление духовного смысла происходит **в индивидуальном**, в пространстве самой личности, где он возникает как новообразование (обретенный духовный смысл) — во внутреннем Диалоге, в момент личной Встречи с Богом. Наконец, третье появление духовного смысла мы наблюдаем **в трансцендентном**, когда он становится «проводником» и двигателем регуляции личности. Такая ипостась духовного смысла, явленная человеку изначально как утешение, в дальнейшем становится источником новой жизни. Духовная регуляция преобразует образ жизни личности и действует уже не в эгоистической логике, но вокруг надындивидуальных ценностей «в соответствии с сутью вещей, с глубинными законами жизни», в логике «познания сути»: «За-не-зачем, а потому что неиначе-как!» (Леонтьев, 2019, с. 526).

Литература

- Бахтин, М. М. (1979а). *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Советская Россия.
- Бахтин, М. М. (1979б). *Эстетика словесного творчества*. М.: Искусство.
- Бахтин, М. М. (2000). *Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук*. СПб.: Азбука.
- Большов, О. Ф. (1999). *Философия экзистенциализма: Философия существования*. СПб.: Лань.
- Братусь, Б. С. (1988). *Аномалии личности*. М.: Мысль.
- Братусь, Б. С. (1994). *Психология. Нравственность. Культура*. М.: Роспедагентство.

- Братусь, Б. С. (1999). Личностные смыслы по А.Н. Леонтьеву и проблема вертикали сознания. В кн. А. Е. Войскунский, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова (ред.), *Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: Школа А.Н. Леонтьева* (с. 284–298). М.: Смысл.
- Братусь, Б. С. (2019). Психология и духовность — Две вещи несовместные? *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 16(3), 470–478. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-3-470-478>
- Бурманов, С. А. (2021). Новая этика в условиях технологической реальности. В кн. М. В. Ромм, В. И. Игнатьев, В. Г. Новоселов, Л. Б. Сандакова (ред.), *Социальная онтология России* (с. 249–251). Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет.
- Бусыгина, Н. П. (2024). *Методология качественных исследований в психологии: Учебное пособие*. М.: ИНФРА-М.
- Василюк, Ф. Е. (1981). *Психологический анализ преодоления критических ситуаций* [Кандидатская диссертация]. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
- Василюк, Ф. Е. (2021). *Переживание и молитва: Опыт общепсихологического исследования* (2-е изд.). М.: Смысл.
- Витко, Ю. С. (2021). *Духовный кризис как объект психологического исследования* [Дипломная работа]. НИУ ВШЭ.
- Витко, Ю. С. (2023). *Переживание духовного кризиса в контексте динамики смысловых образований личности* [Магистерская диссертация]. НИУ ВШЭ.
- Выготский, Л. С. (1983). *Собрание сочинений: Т. 3. Проблемы развития психики*. М.: Педагогика.
- Двойнин, А. М. (2007). *Ценностно-смысловые ориентации личности в контексте религиозной веры* [Автореферат кандидатской диссертации]. Московский педагогический государственный университет.
- Джеймс, У. (2017). *Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы*. М.: Академический проект.
- Евченко, В. А. (2016). *Внутренняя коммуникация «Я – другое Я» в динамике субъектных проявлений личности* [Кандидатская диссертация]. Самарский государственный университет.
- Зинченко, В. П. (1997). *Посох Осипа Манделштама и Трубка Мамардашвили: К началам органической психологии*. М.: Новая школа.
- Калитеевская, Е. С. (1997). Психическое здоровье как способ бытия в мире: От объяснения к переживанию. В кн. Д. А. Леонтьев, В. Г. Щур (ред.), *Психология с человеческим лицом: Гуманистическая перспектива в постсоветской психологии* (с. 231–238). М.: Смысл.
- Кьеркегор, С. (2023). *Дневник обольстителя*. М.: АСТ.
- Левит, З. Л. (2022). Новое вино в старые мехи: Высший смысл для современного экзистенциализма. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 2, 29–33.
- Леонтьев, Д. А. (2005). Духовность, саморегуляция и ценности. *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, 51(7), 16–21.
- Леонтьев, Д. А. (2011). Саморегуляция как предмет изучения и как объяснительный принцип. В кн. В. И. Моросанова (ред.), *Психология саморегуляции в XXI в.* (с. 74–89). СПб.: Нестор-История.
- Леонтьев, Д. А. (2019). *Психология смысла: Природа, строение и динамика смысловой реальности* (4-е, испр. и доп. изд.). М.: Смысл.
- Магомед-Эминов, М. Ш. (2005). Психология уцелевшего. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 3, 3–19.
- Мамардашвили, М. К. (1997). *Психологическая топология пути*. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института.

- Мамардашвили, М. К. (2015). *Беседы о мышлении*. М.: Фонд Мераба Мамардашвили.
- Петровский, В. А. (2020, 14 августа). Единомножие «Я»: «надситуативное интервью» с Вадимом Петровским о нем самом и его трудах. *Психологическая газета*. <https://psy.su/feed/8156/>
- Пригожин, И. (1991). Философия нестабильности. *Вопросы философии*, 6, 46–52.
- Столярова, Е. В., Лебедева, А. А., Кесопуло, С. А., Витко, Ю. С. (в печати). Феноменологическое исследование опыта переживания пустоты как нативного состояния человека. *Национальный психологический журнал*.
- Страусс, А., Корбин, Дж. (2001). *Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники*. М.: Эдиториал УРСС.
- Франкл, В. (1990). *Человек в поисках смысла*. М.: Прогресс.
- Хоружий, С. С. (1998). *К феноменологии аскезы*. М.: Изд-во гуманитарной литературы.
- Цендровский, О. Ю. (2016). Понятие бытия (Sein) в философии М. Хайдеггера и ее методологические особенности. *Философская мысль*, 9, 18–36. <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.9.19068>
- Ясперс, К. (1991). *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат.
- Ясперс, К. (2012). *Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции*. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация».
- Ясперс, К., Голиков, К. (2021). Психология мировоззрений. *Философская антропология*, 7(1), 116–133. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2021-7-1-116-133>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References*.

References

- Antoni, A., Decroli, E., Afriwardi, A., Prayitno, I., Lipoeto, N. I., Efendi, N., Mudjiran, M., Hardisman, H., & Muhamad, Z. (2023). Spiritual experience of type 2 diabetes mellitus Patients: Phenomenological study. *Journal of Asian Multicultural Research for Medical and Health Science Study*, 4(2), 18–27. <https://doi.org/10.47616/jamrmhss.v4i2.383>
- Bakhtin, M. M. (1979a). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [The problems of Dostoevsky's poetics]. М.: Sovetskaya Rossiya.
- Bakhtin, M. M. (1979b). *Eстетика словесного творчества* [Aesthetics of literary creativity]. Moscow: Iskustvo.
- Bakhtin, M. M. (2000). *Avtor i geroi: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [The author and the hero: Towards the philosophical foundations of the humanities]. Saint Petersburg: Azbuka.
- Bartel, M. (2004). What is spiritual? What is spiritual suffering? *Journal of Pastoral Care & Counseling*, 58(3), 187–201. <https://doi.org/10.1177/154230500405800304>
- Bol'nov, O. F. (1999). *Filosofiya ekzistentsializma: Filosofiya sushchestvovaniya* [The philosophy of existentialism: The philosophy of existence]. Saint Petersburg: Lan'.
- Bratus', B. S. (1988). *Anomalii lichnosti* [Personality anomalies]. Moscow: Smysl.
- Bratus', B. S. (1994). *Psikhologiya. Nравственность. Kul'tura* [Psychology. Morality. Culture]. Moscow: Rospedagentstvo.
- Bratus', B. S. (1999). Lichnostnye smysly po A.N. Leontievu i problema vertikalni soznaniya [Personal meanings according to A.N. Leontiev and the problem of the vertical of consciousness]. In A. E. Voiskunskii, A. N. Zhdan, & O. K. Tikhomirova (Eds.), *Traditsii i perspektivy deyatelnostnogo pod-*

- khoda v psikhologii: Shkola A.N. Leontieva* [Traditions and prospects of the activity approach in psychology: The School of A.N. Leontiev] (pp. 284–298). Moscow: Smysl.
- Bratus', B. S. (2019). Are psychology and spirituality incompatible? *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 16(3), 470–478. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-3-470-478> (in Russian)
- Burmanov, S. A. (2021). Novaya etika v usloviyakh tekhnologicheskoi real'nosti [New ethics in the context of technological reality]. In M. V. Romm, V. I. Ignatiev, V. G. Novoselov, & L. B. Sandakova (Eds.), *Sotsial'naya ontologiya Rossii* [Social ontology of Russia] (pp. 249–251). Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University.
- Büssing, A., Günther, A., Baumann, K., Frick, E., & Jacobs, C. (2013). Spiritual dryness as a measure of a specific spiritual crisis in Catholic priests: Associations with symptoms of burnout and distress. *Evidence-Based Complementary and Alternative Medicine*, 2013(1), Article 246797. <https://doi.org/10.1155/2013/246797>
- Busygina, N. P. (2024). *Metodologiya kachestvennykh issledovaniy v psikhologii* [Methodology of qualitative research in psychology]. Moscow: INFRA-M.
- Cai, S., Guo, Q., Luo, Y., Zhou, Y., Abbas, A., Zhou, X., & Peng, X. (2020). Spiritual needs and communicating about death in nonreligious theistic families in pediatric palliative care: A qualitative study. *Palliative Medicine*, 34(4), 533–540. <https://doi.org/10.1177/0269216319896747>
- Corneille, J. S., & Luke, D. (2021). Spontaneous spiritual awakenings: Phenomenology, altered states, individual differences, and well-being. *Frontiers in Psychology*, 12, Article 720579. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.720579>
- Cowden, R. G., Pargament, K. I., Chen, Z. J., Davis, E. B., Lemke, A. W., Glowiak, K. J., Rueger, S. Y., & Worthington Jr., E. L. (2022). Religious/spiritual struggles and psychological distress: A test of three models in a longitudinal study of adults with chronic health conditions. *Journal of Clinical Psychology*, 78(4), 544–558. <https://doi.org/10.1002/jclp.23232>
- Dvoinin, A. M. (2007). *Tsennostno-smyslovye orientatsii lichnosti v kontekste religioznoi very* [Value-meaning orientations of a person in the context of religious faith] [Ph.D. dissertation thesis]. Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation.
- Ellis, H. M., Hook, J. N., Zuniga, S., Hodge, A. S., Ford, K. M., Davis, D. E., & van Tongeren, D. R. (2022). Religious/spiritual abuse and trauma: A systematic review of the empirical literature. *Spirituality in Clinical Practice*, 9(4), 213–231. <https://doi.org/10.1037/scp0000301>
- Evchenko, V. A. (2016). *Vnutrennyaya kommunikatsiya "Ya – drugoe Ya" v dinamike sub"ektnykh proyavlenii lichnosti* [Internal communication "Me – another Me" in the dynamics of subjective manifestations of personality] [Ph.D. dissertation]. Samara State University, Samara, Russian Federation.
- Exline, J. J. (Ed.). (2013). Religious and spiritual struggles. In K. I. Pargament, J. J. Exline, & J. W. Jones (Eds.), *APA handbook of psychology, religion, and spirituality (Vol. 1): Context, theory, and research* (pp. 459–475). Washington, DC: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/14045-025>
- Fisher, J. (2011). The Four Domains Model: Connecting spirituality, health and well-being. *Religions*, 2(1), 17–28. <https://doi.org/10.3390/rel2010017>
- Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskakh smysla* [Man's search for meaning]. Moscow: Progress. (Original work published 1946 in German)
- Gomez-Gamboa, E., Rodrigo-Pedrosa, O., Saz Roy, M. A., Gomez-Rodriguez, A., Loscertales, A. N., & Llobet, M. P. (2022). Spiritual pain as part of the hospitalization experience of children and adolescents with acute lymphoblastic leukemia: A phenomenological study. *European Journal of Oncology Nursing*, 58, Article 102141. <https://doi.org/10.1016/j.ejon.2022.102141>

- Grof, C., & Grof, S. (2017). Spiritual emergency: The understanding and treatment of transpersonal crises. *International Journal of Transpersonal Studies*, 36(2), 30–43. <https://doi.org/10.24972/ijts.2017.36.2.30>
- Habibi Asgarabad, M., Momeni far, S., & Abbasi, M. (2020). Explanation of the spiritual experiences of breast cancer patients: A hermeneutic phenomenological study. *Health, Spirituality and Medical Ethics*, 7(2), 9–19. <https://doi.org/10.29252/jhsme.7.2.9>
- Harris, K., Rock, A., & Clark, G. (2020). Defining spiritual emergency: A content validity study. *The Journal of Transpersonal Psychology*, 52(1), 113–141.
- Hermans, H. J. M. (2021). Who am I? Towards a multi-voiced dialogical Self. In B. Slife, S. Yanchar, & F. Richardson (Eds.), *Routledge international handbook of theoretical and philosophical psychology: Critiques, problems, and alternatives to psychological ideas* (pp. 267–284). Routledge.
- James, W. (2017). *Mnogoobrazie religioznogo opyta. Issledovanie chelovecheskoi prirody* [The varieties of religious experience]. Moscow: Akademicheskii Proekt. (Original work published 1902)
- Jaspers, K. (1919). *Psychologie der Weltanschauungen* [Psychology of worldviews]. Berlin: Springer.
- Jaspers, K. (1991). *Smysl i naznachenie istorii* [The origin and goal of history]. Moscow: Politizdat. (Original work published 1949 in German)
- Jaspers, K. (2012). *Filosofiya. Kniga vtoraya. Prosvetlenie ekzistentsii* [Philosophy. Book two. The enlightenment of existence]. Moscow: “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiya”.
- Jaspers, K., & Golikov, K. (2021). Psychology of worldviews (Selective translation). *Filosofskaya Antropologiya*, 7(1), 116–133. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2021-7-1-116-133> (in Russian)
- Kaliteevskaya, E. S. (1997). Psikhicheskoe zdorov’e kak sposob bytiya v mire: Ot ob’yasneniya k perezhivaniyu [Mental health as a way of being in the world: From explanation to experiencing]. In D. A. Leontiev & V. G. Shchur (Eds.), *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: Gumanisticheskaya perspektiva v postsovetovskoi psikhologii* [Psychology with a human face: A humanistic perspective in post-soviet psychology] (pp. 231–238). Moscow: Smysl.
- Kapusta, J., & Kosticová, Z. M. (2021). From the trees to the wood: Alternative spirituality as an emergent ‘official religion’? *Journal of Religion in Europe*, 13(3–4), 187–213. <https://doi.org/10.1163/18748929-20211525>
- Kierkegaard, S. (2023). *Dnevnik obol’stitya* [The seducer’s diary]. Moscow: AST. (Original work published 1843 in Danish)
- Khoruzhy, S. S. (1998). *K fenomenologii askezi* [Towards the phenomenology of austerity]. Moscow: Izdatel’stvo gumanitarnoi literatury.
- Leontiev, D. A. (2005). Dukhovnost’, samoregulatsiya i tsennosti [Spirituality, self-regulation and values]. *Izvestiya Yuzhnogo Federalnogo Universiteta. Tehnicheskie Nauki*, 51(7), 16–21.
- Leontiev, D. A. (2011). Samoregulyatsiya kak predmet izucheniya i kak ob’yasnitel’nyi printsip [Self-regulation as a subject of study and as an explanatory principle]. In V. I. Morosanova (Ed.), *Psikhologiya samoregulyatsii v XXI v.* [Psychology of self-regulation in the XXI century] (pp. 74–89). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- Leontiev, D. (2016a). Logotherapy beyond psychotherapy: Dealing with the spiritual dimension. In A. Batthyány (Ed.), *Logotherapy and existential analysis. Logotherapy and existential analysis: Proceedings of the Viktor Frankl Institute Vienna* (Vol. 1, pp. 277–290). Cham: Springer. https://doi.org/10.1007/978-3-319-29424-7_24
- Leontiev, D. (2016b). Practices of meaning-changing interventions: A comprehensive matrix. In P. Russo-Netzer, S. E. Schulenberg, & A. Batthyány (Eds.), *Clinical perspectives on meaning: Positive and existential psychotherapy* (pp. 131–145). Springer International Publishing. https://doi.org/10.1007/978-3-319-41397-6_7

- Leontiev, D. A. (2019). *Psikhologiya smysla: Priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology of meaning: The nature, structure and dynamics of the reality of meaning] (4th ed.). Moscow: Smysl.
- Levit, Z. L. (2022). Novoe vino v starye mekhi: Vysshii smysl dlya sovremennogo ekzistentsionalizma [New wine in old bottles: the highest meaning for a modern existentialism]. *Vestnik Omskogo Universiteta. Seriya "Psikhologiya"*, 2, 29–33.
- Magomed-Eminov, M. Sh. (2005). Psikhologiya utselevshego [Psychology of the survivor]. *Lomonosov Psychology Journal*, 3, 3–19.
- Mamardashvili, M. K. (1997). *Psikhologicheskaya topologiya puti* [The psychological topology of the path]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta.
- Mamardashvili, M. K. (2015). *Besedy o myshlenii* [Conversations about thinking]. Moscow: Fond Meraba Mamardashvili.
- Mascaro, N., Rosen, D., & Morey, L. (2004). The development, construct validity, and clinical utility of the spiritual meaning scale. *Personality and Individual Differences*, 37(4), 845–860. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2003.12.011>
- Maurya, R. K., Jain, S., Grey, B., & Clarfield, J. (2023). Evolution and process of spiritual awakening: A grounded theory study. *Counselling and Psychotherapy Research*, 23(4), 906–918. <https://doi.org/10.1002/capr.12618>
- McLaughlin, A. T., van Tongeren, D. R., Teahan, K., Davis, D. E., Rice, K. G., & DeWall, C. N. (2022). Who are the religious “dones”? A cross-cultural latent profile analysis of formerly religious individuals. *Psychology of Religion and Spirituality*, 14(4), 512–524. <https://doi.org/10.1037/rel0000376>
- Meulemann, H., & Schmidt-Catran, A. W. (2023). Is secularization a pervasive trend in Europe?: The effects of the ideological and denominational divides in Europe 2002–2016. *Journal of Religion in Europe*, 16(3), 288–315. <https://doi.org/10.1163/18748929-bja10089>
- Park, C. L., & Folkman, S. (1997). Meaning in the context of stress and coping. *Review of General Psychology*, 1(2), 115–144. <https://doi.org/10.1037/1089-2680.1.2.115>
- Petrovsky, V. A. (2020, August 14). *Edinomozhie “Ya”*: “nadsituacionnoe interv'yu” s Vadimom Petrovskim o nem samom i ego trudakh [The unity of “Self”: a “supra-situational interview” with Vadim Petrovsky about himself and his works]. *Psikhologicheskaya Gazeta*. <https://psy.su/feed/8156/>
- Prigozhin, I. (1991). Filosofiya nestabil'nosti [The philosophy of instability]. *Problems of Philosophy*, 6, 46–52.
- Puchalska-Wasył, M. M., & Zarzycka, B. (2020). Internal dialogue as a mediator of the relationship between prayer and well-being. *Journal of Religion and Health*, 59(4), 2045–2063. <https://doi.org/10.1007/s10943-019-00943-2>
- Shi, X., Wang, F., Xue, L., Gan, Z., Wang, Y., Wang, Q., & Luan, X. (2023). Current status and influencing factors of spiritual needs of patients with advanced cancer: A cross-sectional study. *BMC Nursing*, 22, Article 131. <https://doi.org/10.1186/s12912-023-01306-9>
- Stolyarova, E. V., Lebedeva, A. A., Kesopulo, S. A., & Vitko, Yu. S. (in press). Novyi vzglyad na “mesto rozhdeniya” lichnostnykh smyslov: fenomenologicheskoe issledovanie estestvennogo opyta ustoychivyykh sostoyanii pustoty [A new perspective on the “birthplace” of personal meanings: A phenomenological study on natural experiences of sustained states of emptiness]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]*.
- Strauss, A., & Corbin, J. (2001). *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: Obosnovannaya teoriya, procedury i tekhniki* [Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques]. Moscow: Editorial URSS. (Original work published 1990)

- Tabik, M.-T., Fathi-Ashtiani, A., Janbozorgi, M., & Rasoolzade-Tabatabaee, S.-K. (2020). Conceptual model of religious and spiritual struggles in Iran: A qualitative study. *International Journal of Behavioral Sciences*, 14(2), 85–90. <https://doi.org/10.30491/ijbs.2020.214074.1184>
- Tromp, P., Pless, A., & Houtman, D. (2020). ‘Believing without Belonging’ in twenty European countries (1981–2008). De-institutionalization of Christianity or spiritualization of religion? *Review of Religious Research*, 62(4), 509–531. <https://doi.org/10.1007/s13644-020-00432-z>
- Tsendrovskiy, O. Yu. (2016). The notion of being (Sein) in M. Heidegger’s philosophy and its methodological peculiarities. *Filosofskaya Mysl’ [Philosophical Thought]*, 9, 18–36. <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.9.19068> (in Russian)
- Upenięks, L. (2022). Religious/spiritual struggles and well-being during the COVID-19 pandemic: Does “talking religion” help or hurt? *Review of Religious Research*, 64(2), 249–278. <https://doi.org/10.1007/s13644-022-00487-0>
- Van Tongeren, D. R., Brady, I., Casper, C., Fuller, H., & Swanson, C. (2024). To hell with the devil: Lingering negative religious beliefs among religious doers. *Psychology of Religion and Spirituality*, 16(4), 343–351. <https://doi.org/10.1037/rel0000509>
- Van Nieuw Amerongen, J., Braam, A., Westerbroek, G., Ouwehand, E., Anbeek, C., & Schaap-Jonker, H. (2023). Varieties of religious and spiritual struggles by type of mental disorder: A qualitative approach. *Psychopathology*, 57(1), 27–38. <https://doi.org/10.1159/000531027>
- Van Nieuwkerk, K. (2020). ‘Uncovering the Self’: Religious doubts, spirituality and unveiling in Egypt. *Religions*, 12(1), Article 20. <https://doi.org/10.3390/rel12010020>
- Van Nieuwkerk, K. (2021). Introduction: ‘Religious transformation in the Middle East: Spirituality, religious doubt, and non-religion in the Middle East’. *Religions*, 12(6), Article 426. <https://doi.org/10.3390/rel12060426>
- Vasilyuk, F. E. (1981). *Psikhologicheskii analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii* [Psychological analysis of overcoming critical situations] [Ph.D. dissertation]. Lomonosov Moscow State University.
- Vasilyuk, F. E. (2021). *Perezhivanie i molitva: Opyt obshchepsikhologicheskogo issledovaniya* [Experience and prayer: The experience of general psychological research] (2nd ed.). Moscow: Smysl.
- Vitko, Yu. S. (2021). *Dukhovnyi krizis kak ob”ekt psikhologicheskogo issledovaniya* [Spiritual crisis as an object of psychological research] [Bachelor’s thesis]. HSE University, Moscow, Russian Federation.
- Vitko, Yu. S. (2023). *Perezhivanie dukhovnogo krizisa v kontekste dinamiki smyslovykh obrazovaniy lichnosti* [Experiencing a spiritual crisis in the context of the dynamics of meaning formations of personality] [Master’s thesis]. HSE University, Moscow, Russian Federation.
- Vygotsky, L. S. (1983). *Sobranie sochinenii: T. 3. Problemy razvitiya psikhiki* [Collected works: Vol. 3. Problems of mental development]. Moscow: Pedagogika.
- Wang, Z., Tang, X., Li, L., Zhou, H., Zhu, Y., Chen, L., Su, T., Liu, M., Pang, X., Yi, X., Liu, L., Liu, J., & Liu, M. (2024). Spiritual care needs and their attributes among Chinese inpatients with advanced breast cancer based on the Kano model: A descriptive cross-sectional study. *BMC Palliative Care*, 23(1), Article 50. <https://doi.org/10.1186/s12904-024-01377-8>
- Zinchenko, V. P. (1997). *Posokh Osipa Mandel’shtama i Trubka Mamardashvili: K nachalam organicheskoi psikhologii* [Osip Mandelshtam’s staff and Mamardashvili’s pipe: To the origins of organic psychology]. Moscow: Novaya shkola.